

Доктор Терн

Автор:

Генри Райдер Хаггард

Доктор Терн

Генри Райдер Хаггард

«Осенью 1896 года в Англии свирепствовала оспа. В моем родном городе Денчестере, представителем которого в парламенте я являлся в продолжение многих лет, она унесла пять тысяч жизней, и многие из оставшихся в живых утратили свою красоту и миловидность.

Ну что ж! Новое поколение придет им на смену, а следы оспы по наследству потомству не передаются... Утешает и то, что уж впредь этого не случится, так как теперь введена и строго соблюдается всеобщая обязательная прививка. Разве только жертвы той эпидемии могут служить укором нам, отправившим их так поспешно и бесцеремонно туда, откуда нет возврата, но куда именно – я затрудняюсь сказать, так как слишком много знаю об анатомии человеческого тела, чтобы верить в существование души...»

Генри Райдер Хаггард

Доктор Терн

* * *

I. Дилижанс над пропастью

Осенью 1896 года в Англии свирепствовала оспа. В моем родном городе Денчестере, представителем которого в парламенте я являлся в продолжение многих лет, она унесла пять тысяч жизней, и многие из оставшихся в живых утратили свою красоту и миловидность.

Ну что ж! Новое поколение придет им на смену, а следы оспы по наследству потомству не передаются... Утешает и то, что уж впредь этого не случится, так как теперь введена и строго соблюдается всеобщая обязательная прививка. Разве только жертвы той эпидемии могут служить укором нам, отправившим их так поспешно и бесцеремонно туда, откуда нет возврата, но куда именно – я затрудняюсь сказать, так как слишком много знаю об анатомии человеческого тела, чтобы верить в существование души.

Ведь подумать только! Пять тысяч человек в одном Денчестере! И большая часть из них погибла от оспы по вине моего красноречия, моих настойчивых доказательств, отвергавших пользу профилактических прививок.

Конечно, доктор, как и всякий человек, может ошибаться. Ну а если это вовсе не ошибка? Если бы все эти умершие могли вдруг предстать передо мной и сказать: «Джеймс Терн, ты наш убийца, так как из-за своей выгоды учил нас тому, чему сам не верил». Что тогда? Но я не боюсь их, всех этих молодых людей, цветущих девушек и детей, чьи кости загромождают сейчас денчестерское кладбище. Что сделано, то сделано; изменить этого я не в силах. Из них из всех я боюсь встретить только двоих – Дженни, мою дочь, жизнь которой я принес в жертву своему самолюбию, и Эрнста Мерчисона, ее жениха, последовавшего за ней в могилу.

После того как умерла моя жена, Дженни была единственным существом, которое я любил, и ничто не может превзойти тех страшных страданий, какие я испытываю с момента, как смерть отняла ее у меня.

Я принадлежу к докторской семье: дед мой, Томас Терн, пользовался большой известностью во всей округе Денчестера; отец унаследовал его практику. После женитьбы отец все продал и переехал в самый Денчестер, где вскоре о нем заговорили; перед ним открывалась блестящая карьера. Но однажды, осматривая больного оспой, отец заразился этой ужасной болезнью, которая

оставила в его организме неизгладимый след в виде туберкулеза легких, и ему пришлось переселиться в места с более теплым климатом.

Передав практику своему ассистенту, отец вместе с семьей отправился на Мадеру, куда теперь переехал и я, сам не знаю почему. Но увы! Климат Мадеры оказался для него неподходящим, и, прохворав около двух лет и истратив за это время все, что имел, отец умер, оставив вдову и ребенка без всяких средств.

Благодаря добрым людям моей матери удалось вернуться в Англию, где мы поселились в маленькой рыбацкой деревушке близ Брайтона. Здесь я вырос и получил начальное образование в местной приходской школе. С раннего детства я мечтал стать доктором, подобно отцу и деду. Я сознавал, что доктор, сумевший завоевать себе известную репутацию, может заработать большие деньги. Угнетенный нуждой с самого раннего детства, я ничего так не жаждал, как денег. Я тогда уже знал, что современное общество создано только для богатых и никто, даже политический деятель, не может без денег сделать себе карьеру. В Америке или где-нибудь в дальних колониях человек с умом и способностями еще может рассчитывать на то, чтобы пробить себе дорогу, не имея капитала, но в Англии об этом и думать нечего.

Мне повезло совершенно неожиданно: младший брат моего покойного отца внезапно умер, оставив мне семьсот пятьдесят фунтов. Это дало мне возможность снять комнатку в Лондоне и стать студентом медицинского факультета.

Двадцати четырех лет я блистательно, с золотой медалью, окончил курс и немедленно был зачислен врачом в один из лучших лондонских госпиталей, где и прослужил еще год по истечении срока. Как раз в то время умерла моя мать, и я, чтобы забыться, поправить расшатанные нервы и отдохнуть после тяжелой работы, обратился к одному из приятелей, состоящему пайщиком в большой пароходной компании, совершавшей рейсы между Англией, Вест-Индией и Мексикой, с просьбой предоставить мне бесплатный проезд на одном из ее пароходов, а взамен предложил свои медицинские услуги. Мое предложение было принято с большой готовностью, причем я мог оставаться в Мексике месяца три и затем вернуться в Англию на том же пароходе.

Совершив весьма приятное и вполне благополучное путешествие, я прибыл наконец в Веракрус, этот своеобразно красивый город с высокими домами и узкими прохладными улицами – тенистыми и молчаливыми. Не имея никаких

особых дел, я решил провести здесь недели три, работая в местных госпиталях и больницах и изучая желтую лихорадку. Я не боялся заразы: меня страшила только одна болезнь, с которой мне очень скоро суждено было столкнуться.

Спустя три недели я собрался ехать в Мехико, куда в то время приходилось отправляться или верхом, или в дилижансе, так как железная дорога еще не была достроена. Мексика в те годы была еще дикой страной. Войны и революции лишили большую часть населения крова и заработка, так что путешественники отнюдь не могли быть уверены в своей безопасности.

Путь от Веракруса в Мехико постоянно идет в гору, так как последний лежит на семь тысяч футов выше уровня первого. Сначала проезжаешь «жаркий пояс», затем «умеренный» и, наконец, «холодный». На всем протяжении жаркой полосы вас поминутно останавливают женщины, чтобы предложить кокосовые орехи и спелые гранаты, утоляющие жажду; в умеренной полосе вам навязывают точно таким же образом апельсины и бананы, а в холодной с той же настойчивостью угощают какой-то противной мутной жидкостью, экстрактом из алоэ, называемым пульке, по виду и вкусу весьма напоминающим мыльную воду.

Где-то в умеренной полосе, помнится, мы проезжали небольшой городок из пятнадцати жилых домов и семнадцати церквей. Это изобилие церквей объяснялось тем, что вблизи этого городка в неприступных скалах с незапамятных времен гнездились разбойничьи шайки; а в то время существовал освященный предками обычай, по которому каждый предводитель шайки, в искупление содеянных им прегрешений и за упокой душ, преждевременно и насильственно отправляемых им в рай, строил церковь своему святому. Этот богобоязненный обычай теперь исчез, так как мексиканское правительство несколько лет тому назад, прислав сильный отряд войск, приступом взяло твердыню благочестивых разбойников, число которых в ту пору достигало нескольких сотен человек, и казнило всех поголовно.

Нас было восемь человек в дилижансе, запряженном восьмью мулами: четверо купцов, два священнослужителя и молодая девушка, которая впоследствии стала моей женой. Это была чрезвычайно привлекательная голубоглазая блондинка, с нежной кожей и раскованными манерами – американка из Нью-Йорка. Звали ее Эмма Беккер.

Мы сразу подружились, уселись в дилижансе рядом, и вскоре я уже знал всю ее историю. Круглая сирота, почти без средств, она с радостью ухватилась за

предложение единственной тетки приехать погостить к ней на прекрасное ранчо[1 - Ранчо – небольшая ферма.] в восьмидесяти милях от Мехико. Не долго думая девушка пустилась одна в далекий путь из Нью-Йорка.

Мы выехали из Веракруса после полудня, ночь провели в отвратительной, кишасей насекомыми гостинице, а с рассветом нас снова усадили в дилижанс и медленно потащили в гору по такой крутой тропинке, что, невзирая на усиленную ругань и побои погонщиков, мулы останавливались через каждые сто шагов. Я уже задремал, когда меня вдруг разбудил мелодичный голос мисс Беккер: «Простите, что побеспокоила вас, доктор Терн. Право, вы должны посмотреть на это великолепное зрелище!» – И она указала на окно.

Действительно, ничего подобного я не мог себе представить. Солнце восходило над вершиной Орисаба, Звездой-Горой, как называли ее древние ацтеки. На восемнадцать тысяч футов вздымалась над нашими головами мощная громада вулкана, подножие которого окутывали темные леса, а вершину серебрил вечный снег. Зеленые склоны гор еще тонули в тени, а воздушную снежную вершину уже золотили первые лучи. Никогда в жизни не видел я ничего великолепнее этого торжества света над сумраком ночи. С потолка нашего дилижанса свисал тусклый фонарь, и при его свете, оторвавшись от грандиозного зрелища восхода, я разглядел милое лицо своей спутницы. Мне показалось, что и в ее лице было что-то необычайное. Глаза наши встретились, и мы без слов поняли, что не хотим разлучаться. Чтобы скрыть неловкость, овладевшую нами, мы завели самый обычный, ничего не значащий разговор. Разговор этот перескакивал с одной темы на другую, пока молодая девушка не задремала. Я хотел было последовать ее примеру, но мне не спалось. Мы ехали над обрывом по узкой горной тропе, жавшейся к скалам. Густой туман, скрывавший дно ущелья, не позволял судить о его глубине, и я подумал, что это крайне подходящее для нападения разбойников место. Вдруг передний мул как-то странно оступился, и где-то совсем близко я услышал выстрел. Погонщик мулов и его подручный соскочили с козел и с криками ужаса один за другим бросились с края обрыва в пропасть. В дилижансе началось что-то совершенно невообразимое – крики, мольбы и вопли: «Разбойники! Разбойники!»

Купцы с проклятиями спешили запрягать в сапоги и шапки свои драгоценности; один из патеров буквально выл от страха, тогда как другой машинально бормотал молитву, набожно сложив руки и склонив голову. Мулы сбились в кучу, дилижанс мог ежеминутно опрокинуться в пропасть. Но разбойники, уже обступившие дилижанс, поспешили перерезать постромки и погнались животных

вниз с обрыва. Затем смуглый чернобородый парень с большим шрамом на щеке, отворив дверцу дилижанса, с галантным поклоном попросил нас выйти. Так как с ним было не менее двенадцати товарищей, то мы были вынуждены повиноваться. Всех нас выстроили в ряд, спиной к обрыву, на самом его краю. Я был крайний, а Эмма Беккер предпоследняя, так что мы стояли рядом, и я мог взять ее за руку.

Оглушив купцов ударами здоровых кулаков, обшарив их и раздев донага, разбойники грубо втолкнули их в дилижанс и захлопнули дверцы. Затем пришла очередь двух патеров: одного они помиловали за отпущение грехов, а со вторым поступили, как с купцами. Мой мозг усиленно работал в поисках способов спасения. Вдруг мне вспомнилось, что погонщик мулов и его помощник, без сомнения знавшие каждый сантиметр этой дороги, не задумываясь спрыгнули с обрыва в пропасть, чего бы они, конечно, не сделали, если бы знали, что найдут там верную смерть. Разбойники тоже погнали мулов вниз, а эти умные животные ни за что не пошли бы в пропасть. Я оглянулся, но туман застилал все. Тогда я решил рискнуть и чуть слышно шепнул Эмме:

– Послушайте, я уверен, что этот обрыв не так страшен, как кажется. Не решитесь ли вы спрыгнуть вниз вместе со мной?

– Конечно, – не раздумывая ответила она, – лучше сломать себе шею, чем умереть от ножа разбойников. Но надо выждать удобную минуту. Если они увидят, что мы бежим, то будут стрелять.

Мы стали выжидать. Разбойники сводили счеты с четвертым купцом, за ним наступала наша очередь, и мы готовы были на глазах у всех кинуться с обрыва, когда неожиданно несчастный, которого обыскивали в этот момент разбойники, вдруг вырвался и бросился бежать вниз по дороге, под гору. Разбойники кинулись за ним, забыв о нас. Только один из них остался на страже у дверей дилижанса, в котором находились три купца и патер. С криками и смехом пустились они в погоню за своей жертвой, стреляя на ходу. Наконец один из выстрелов попал в беглеца, тогда они накинулись на несчастного и прикончили его ножами.

– Не смотрите туда, – шепнул я своей соседке. – Следуйте за мной, пора!

В следующий момент мы были уже на краю обрыва; под ногами у нас расстился густой туман. С минуту я колебался, но Эмма, не дожидаясь меня, прыгнула вниз. К своему великому облегчению я услышал ее голос всего в нескольких футах и немедленно последовал ее примеру. Мы стали осторожно спускаться по крутому скалистому обрыву, окутанные со всех сторон пронизывающим туманом. Мне думается, что наше исчезновение оставалось некоторое время незамеченным, так как стороживший дилижанс бандит был всецело поглощен зрелищем расправы над бежавшим купцом; все его внимание было обращено в ту сторону, а получивший помилование патер ничего не видел вокруг себя – закрыв лицо руками, он упал на колени и молился, припав к земле.

Чем ниже мы спускались, тем реже и прозрачней становился туман, так что скоро мы смогли различить, что идем по узкой крутой тропе, по левую сторону которой гора спускалась совершенно отвесно, а у подножия ее раскинулась долина, поросшая густым лесом. Менее чем в десять минут мы были уже внизу и, не слыша за собой погони, приостановились на минуту – отдохнуть и обдумать, что делать дальше. В пяти шагах от того места, где мы стояли, скала обрывалась так отвесно, что ни одна кошка не могла бы взобраться на нее.

– Это место сравнительно безопасное, – сказал я.

– Да, но оставаться здесь мы не можем, – возразила Эмма, и не успела она закончить фразы, как над нами раздался душераздирающий вопль, и сквозь туманный покров, расстилавшийся над нами, мы увидели, как что-то громадное мелькнуло в воздухе, приблизилось, рухнуло с грохотом и тут же разлетелось в щепки. Мы подбежали к месту катастрофы, но перед нами были только груды обломков дилижанса и изуродованные тела наших бывших спутников. Полные ужаса мы бежали вниз, бежали под защиту деревьев, инстинктивно стараясь укрыться от грозящей нам опасности.

II. Асиенда[2 - Асиенда – обширное поместье, ферма в Латинской Америке.]

– Что это? – вдруг спросила Эмма, указывая на каких-то животных, виднеющихся невдалеке в чаще диких бананов. Я пригляделся и увидел, что это были два мула, из тех, которых разбойники погнали вниз с обрыва, о чем свидетельствовали еще висевшие у них на шее хомуты с обрезанными

постромками. Я без труда поймал этих мулов, на одного посадил молодую девушку, а на другого вскочил сам; мы отлично сознавали, что единственное наше спасение – в бегстве. Но в тот момент, когда мы готовы были тронуться в путь, я услышал позади себя голос, окликнувший меня: «Сеньор! Сеньор!» Выхватив пистолет, я обернулся и увидел мексиканца, лицо которого мне показалось знакомым.

– Не стреляйте, сеньор, – сказал человек на ломаном английском языке, – я ваш погонщик Антонио, мой товарищ упал вон туда. – И он указал на зияющую пропасть. – Вы спасаетесь от тех злых людей, я тоже, сейчас они будут искать вас здесь и убьют всех. Куда вы направляетесь?

– Знаете вы дорогу на асиенду де-Консепсьон, близ города Сан-Хосе? – вмешалась в разговор Эмма.

– О да, сеньорита, я хорошо знаю асиенду сеньора Гомеса и доставлю вас туда завтра же, если вы желаете.

– Ну, так ведите нас, – сказал я, и мы двинулись в путь, к видневшимся впереди холмам.

Перед закатом солнца мы благополучно добрались до какой-то убогой индейской хижины, где нам удалось поесть бобов и маисовых лепешек и расположиться на ночлег под кровлей из свежих ветвей, через которую на нас всю ночь капал дождь.

На рассвете я вышел и застал Антонио за беседой с индейцем, хозяином хижины, приютившим нас у себя.

– Что такое, Антонио? Уж не разбойники ли напали на наш след? – спросил я.

– Нет, сеньор, о них мы, вероятно, больше не услышим, но этот сеньор говорит, что в Сан-Хосе теперь много больных.

На это я возразил, что тем не менее намерен добраться туда. Сначала Антонио отказался было продолжать с нами путь, но, испугавшись возможной встречи с разбойниками и отчасти соблазненный крупным вознаграждением, обещанным

ему за услугу, согласился, и мы продолжили путь. Под вечер второго дня Антонио указал нам на видневшуюся вдали асиенду де-Консепсьон, красивое белое здание на горе над Сан-Хосе, маленьким убогим городишком с трехтысячным населением.

Когда мы подъезжали к воротам города, то услышали позади себя крики и, оглянувшись увидели двух конных мексиканцев, вооруженных ружьями. Они махали нам и требовали, чтобы мы повернули. Приняв их за нагнавших нас бандитов, мы пустили измученных мулов во весь опор, и всадники, преследовавшие нас до отмеченного большим белым камнем места, махнули на нас рукой и повернули обратно.

Теперь мы ехали по главной улице города, которая была совершенно безлюдна. Когда мы приблизились к базарной площади, нам попалась навстречу большая фура, нагруженная чем-то и накрытая черным сукном, причем нос и рот возницы были закрыты толстым кашне.

Мы въехали на площадь, окруженную со всех сторон колоннадой.

– Посмотрите, как эти люди спят, – заметила Эмма, указывая на ряд неподвижно лежавших под одеялами человеческих фигур, расположившихся под сводами колоннады. – Что за странный народ. Спать на улице среди бела дня!

Я увидел, как некоторые из лежавших приподнимались и снова падали на свои матрасы и подстилки из листьев или старых лохмотьев, и метались тревожно и болезненно.

Когда мы проезжали в каких-нибудь трех шагах от них, одна старая женщина вдруг сдернула одеяло с лежавшей на земле и, как мы полагали, спящей молодой женщины и принялась обливать ее водой из фонтана. Одного взгляда было для меня достаточно, чтобы убедиться, что лицо несчастной утратило всякий человеческий облик от сплошной корки оспенных язв, а тело ее представляло столь ужасное зрелище, что я не в состоянии передать этого.

Я бессознательно натянул повод, и мой мул тотчас остановился.

– Черная оспа, – прошептал я. – И эта сумасшедшая пытается излечить ее холодной водой!

Старуха подняла на меня глаза и сказала:

- Si, señor inglese, viruela, viruela...[З - Да, сеньор англичанин, оспа, оспа... (исп.).]

- и залепетала еще что-то, чего я не мог уже разобрать.

- Она говорит, - перевел Антонио, - что четверть населения уже вымерла, и что больных больше, чем здоровых...

- Бога ради, бежим отсюда! - воскликнул я, обращаясь к Эмме, также задержавшей своего мула и смотревшей полными ужаса глазами на несчастных страдальцев, распростертых на земле.

- Ах! - воскликнула она. - Вы - врач, неужели вы не можете ничем помочь этим несчастным?

- Что за безумие! - воскликнул я резко. - Можно ли рисковать вашей жизнью, да и к тому же я один здесь решительно не могу быть полезен: у меня нет под рукой никаких средств, никаких лекарств... Едем скорее! - И, схватив ее мула под уздцы, я потащил его за собой через город, по направлению к асиенде, расположенной на горе над городом.

Четверть часа спустя мы уже въезжали во двор асиенды. Здесь царили мертвая тишина и безлюдье; единственным живым звуком, донесшимся до нашего слуха, было жалобное мяуканье кошки где-то на чердаке. Но вот нам навстречу выбежала собака, крупное животное породы мастифов, отличающихся чрезвычайной злобностью, но вместо того, чтобы зарычать на чужих, она приветливо завиляла хвостом. Мы сошли с мулов и постучались, но никто не отозвался. Тогда я толкнул ногой дверь, она тотчас же открылась, и мы вошли. С первых же шагов нам стало ясно, что асиенда покинута. Маленькое кладбище в конце сада, близ часовенки, объяснило нам, почему это прекрасное жилище брошено на произвол судьбы. Здесь было несколько свежих могил, очевидно, батраков и услуг, а в особой ограде, где покоился прах усопших членов фамилии Гомес, тоже чернел новый холм - как мы узнали впоследствии, под ним лежал прах мужа Эмминой тетки, сеньора Гомеса.

- Это, несомненно, жертвы оспы, - произнес я. - Нам нельзя оставаться здесь.

Мы снова сели на своих измученных мулов и решили ехать дальше, куда глаза глядят, лишь бы уйти от заразы. Но не далее как в двух милях от асиенды нас остановили два вооруженных полицейских, которые заявили, что если мы, вопреки их запрету, поедem дальше, то они будут стрелять и заставят нас вернуться назад.

Только теперь мы поняли, что проникли за черту оспенного кордона и должны оставаться в ней до тех пор, пока не пройдет шесть недель после последнего случая заболевания оспой. Делать было нечего, мы вернулись в покинутую асиенду и в этом гнезде заразы устроились как могли. Запасов пищи здесь было много, также как и скота, так что в молоке и мясе мы недостатка не испытывали. Антонио принял на себя заботу о скоте и исполнял обязанности слуги. В саду было вдоволь плодов и овощей, а в амбарах – муки и зерна.

С плоской крыши асиенды нам была как на ладони видна вся базарная площадь городка, и три с лишним недели мы наблюдали отвратительные и ужасные сцены. А по ночам, когда уже не были видны предсмертные муки этих несчастных, мы слышали их стоны, вопли и рыдания и неумолчный звон церковных колоколов, звонивших не переставая для того, чтоб отогнать демона заразы или возвестить о полуночной мессе, которую служили священники, в надежде вымолить у Бога пощаду и помилование. По мере того как ряды духовенства редели, этот звон становился все слабее и слабее, пока наконец совсем не смолк. Живых уже не хватало, чтобы зарывать мертвых, и некому было принести воду больным.

Мне удалось узнать, что лет двенадцать тому назад один американский филантроп-энтузиаст прибыл сюда в сопровождении маленького санитарного отряда с целью привить оспу всему населению. Сначала все шло довольно благополучно, но когда прививки стали нарываться, среди пациентов началась смута, а местный глава духовенства вселил еще большее недоверие и ненависть к ученому филантропу, заявив, что оспа – одно из испытаний, ниспосланных Богом и что противодействовать этой болезни – грешно.

Так как до этого времени оспа не посещала Сан-Хосе, то послушные чада церкви и своего духовного пастора чуть не побили камнями американца-филантропа и изгнали его отряд за пределы своего округа. А теперь их дети и внуки пожинали плоды такой недалёковидности.

После двух недель пребывания в этом очаге заразы я дошел до того, что готов был наложить на себя руки. Я чувствовал, что если еще останусь здесь, то, несмотря ни на какие предосторожности, заболею от одной лишь мнительности. И вот с помощью Антонио я вступил в долгие переговоры с офицером, начальником карантинной стражи, и в конце концов договорился, что за двести долларов наше бегство сквозь карантинный кордон в ночной темноте пройдет незамеченным.

В назначенный день, около девяти часов вечера, мы должны были покинуть асиенду втроем. За четверть часа до этого я пришел на конюшню, чтобы проверить, все ли готово к нашему отъезду. И что же? У конюшни, на дворе, около бака с водой, я увидел Антонио, корчившегося от боли в спине. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в том, что у него появились все признаки страшной заразы. Сознавая, что времени терять нельзя, я сам оседлал мулов и подвел их к крыльцу.

– А где же Антонио? – тотчас осведомилась Эмма.

– Он уехал вперед, чтобы проверить, свободен ли путь, – солгал я. – Он встретит нас по ту сторону гор.

Мы выехали из ворот асиенды.

Путешествие наше было довольно странным, но о нем я не стану рассказывать, так как вообще упомянул обо всех этих давно прошедших событиях лишь потому, что они особенно ярко показывают какую-то таинственную связь важнейших событий моей жизни с оспой. Я родился, когда мой отец хворал оспой, женился после бегства из оспенного карантина, я... но остальное я расскажу в свое время; добавлю лишь, что мы с Эммой в конце концов благополучно добрались до Мехико, где и повенчались. А десять дней спустя уже находились на палубе большого океанского парохода, отправлявшегося в Англию.

III. Сэр Джон Белл

Эмма Беккер принесла мне приданое около пяти тысяч долларов, и мы решили употребить эти деньги на то, чтобы приобрести мне практику. Этой суммы, конечно, было далеко не достаточно, чтобы купить практику в Лондоне, и я поэтому избрал Денчестер, где имя Терн было уже достаточно известно и где с успехом практиковали мои дед и отец.

Прибыв туда, я узнал, что только один из моих коллег, Джон Белл, мог быть для меня опасным конкурентом. Он начал свою карьеру ассистентом моего отца и купил у него право на практику, когда отец захворал и был вынужден покинуть Англию. Не будучи ни искусным, ни знающим врачом, сэр Джон обладал самоуверенностью, скрывающей недостаток знаний, и заглаживал свои ошибки всегда имевшимися у него наготове оправданиями. Нет надобности говорить, что он был столь же богат, как и популярен, и лишь жалкие крохи выпадали на долю его менее счастливых коллег. Кроме того, за эти годы он приобрел громадное влияние на общественные дела, был членом всевозможных обществ, на которые щедро жертвовал, а потому постоянно нуждался в больших суммах.

Приехав в Денчестер, я счел своим долгом посетить сэра Джона Белла и сообщить ему, что думаю поселиться и практиковать в Денчестере. Это, как мне показалось, не особенно ему понравилось.

– Ну конечно, для вас, как сына моего покойного друга, я сделаю все, чтобы помочь устроиться, но должен сказать, что явись сам великий Гален[4 - Клавдий Гален (ок. 130 – ок. 200) – древнеримский врач и естествоиспытатель, после Гиппократы самый крупный теоретик античной медицины.] или Гарвей[5 - Уильям Гарвей (правильнее Харви) (1578–1657) – английский врач, открывший кровообращение.], вряд ли даже им удалось бы составить здесь приличную практику.

– Тем не менее я хочу попытать счастье, сэр Джон, и буду надеяться на кое-какие крохи со стола богача, – пошутил я.

– Да, да, Терн, вы можете рассчитывать на меня, конечно! – И он улыбкой дал мне понять, что аудиенция окончена.

Я ни одной минуты не обманывался в этом человеке: было ясно, что он постарается отнять каждую кроху, которая случайно перепадет мне, и что для моего блага он не пошевелит и пальцем.

Спустя две недели после этого визита мы с женой поселились в Денчестере, в старинном кирпичном доме времен королевы Анны. Местоположение его для практикующего врача было удобно – он стоял в двух шагах от главной торговой площади, в самом центре Денчестера, и имел две великолепные приемные комнаты со старинными резными украшениями на потолке и стенах.

Мы с женой делали все возможное, чтобы приобрести практику. Нанесли визиты старым друзьям отца и деда, посетили миссионерские собрания и, несмотря на расходы, пригласили к вечернему чаю нескольких старушек, слывших первейшими городскими сплетницами. Они явились, пили чай и разглядывали мою новую обстановку, точно на аукционе. А в результате одна из них ядовито заметила мне, что мои хирургические инструменты далеко не так красивы, как инструменты «нашего дорогого сэра Джона», так как у его инструментов ручки из слоновой кости в серебряной оправе.

Я стал разузнавать, в чем причина моих неудач, и оказалось, что единственным виновником был все тот же сэр Джон Белл. Имея право совещательного голоса в учреждениях, куда я обращался с предложениями услуг, он одним многозначительным пожатием плеч или покачиванием головы побуждал совет отклонять мою кандидатуру.

Начиная отчаиваться в успехе, я уже собирался покинуть Денчестер, но по совету Эммы, которая была дальновидна и умна, решил еще подождать, пока хватит денег. Наконец и на моей улице настал праздник. Спустя почти год после того как я поселился в Денчестере, меня избрали в члены городского клуба. В числе завсегдатаев этого клуба был некий майор Селби, вышедший в отставку и не имевший никаких занятий, а потому постоянно проводивший время или в курительной, или в бильярдной клуба, с неизбежной большой сигарой в зубах и стаканом виски с содовой в руках. С виду это был цветущий крепкий мужчина, но на взгляд доктора такая наружность вовсе не свидетельствует о хорошем состоянии здоровья. Я познакомился с ним, и в разговорах он часто жаловался на свои недуги. Однажды, когда я сидел один в курительной комнате, вошел майор Селби, и, кинувшись в кресло, принялся потирать ногу.

– Что, майор, подагра прихватила? – шутливо спросил я.

– Нет, доктор, – по крайней мере, этот старый плут Белл говорит, что нет. У меня так сильно болела нога эти дни, что я сегодня утром отправился к нему, но он уверил меня, что это просто маленький ревматизм, и прописал какую-то гадость

для втирания!

- А... а видел он вашу ногу?

- Нет, он сказал, что может определить болезнь не глядя.

- Гм... в самом деле? - заметил я. И мы прекратили этот разговор.

Четыре дня спустя я снова сидел в клубе, когда туда явился майор Селби. На этот раз он ступал с видимым усилием, и его всегда румяное и довольное лицо выражало страдание. Он по обыкновению заказал виски с содовой и сел на диванчик подле меня.

- Как ваш ревматизм, майор? Вам лучше сегодня?

- Нет, доктор, я опять был вчера у старика Белла, и он приказал продолжать втирание мази, но мне от нее ничуть не легче, а даже как будто хуже, и я положительно не могу понять, каким образом ревматизм может вызвать синяк на ноге.

- Синяк на ноге? Что вы говорите? - удивился я.

- Да, синяк. Вы не верите? Хотите, я покажу вам? Смотрите! - И, завернув брюки, он обнажил немного ниже колена большое пятно с темным отливом посередине, причем одна из вен на ощупь оказалась вспухшей и затвердевшей.

- А сэр Джон видел это? - спросил я.

- Нет, я хотел, чтобы он осмотрел мою ногу, но он куда-то торопился и сказал мне, что я, точно старая баба, ношусь со своими недугами!

- Ну, я на вашем месте отправился бы домой и все-таки настоял на том, чтобы он явился и осмотрел вас.

- Что вы хотите этим сказать, доктор? - встревожился майор.

– Я только нахожу, что это скверный синяк, вот и все... и полагаю, что когда сэр Джон увидит его, то посоветует вам полный покой в течение нескольких дней.

В ответ майор Селби пробормотал что-то весьма нелестное в адрес сэра Джона и попросил меня поехать сейчас же к нему на квартиру и подробно осмотреть его.

– Я не могу сделать этого при всем желании, – проговорил я, – это было бы нарушением врачебной этики; но я провожу вас до экипажа.

Майор Селби уехал домой, а я отправился к себе и от нечего делать стал просматривать записки о разных случаях закупорки вен, с которыми мне довелось иметь дело в лондонских госпиталях. Я еще читал, когда у моих дверей раздался резкий звонок и в приемную влетел запыхавшийся и взволнованный слуга и с усилием проговорил:

– Пожалуйста, сэр, вас очень просят к моему господину, майору Селби, немедленно. Он внезапно заболел.

– Я не могу идти к нему, его лечит сэр Джон Белл, я не имею права лечить его больных.

– Я уже был у сэра Джона, сэр, но он уехал на двое суток в какое-то имение, и мой господин послал меня за вами.

От жены майора, миссис Селби, я узнал, что ее муж, вернувшись из клуба, выпил чашку чаю и собрался ехать к сэру Джону Беллу, но в тот момент когда он садился в экипаж, вдруг опрокинулся навзничь и потерял сознание. Его отнесли в квартиру, уложили на диван и немедленно послали за мной.

Несчастный лежал и стонал от боли.

– Благодарю, что не отказались прийти, – простонал майор, – кажется мне, что этот старый дурак Белл доконал меня...

– Полноте, мы сейчас посмотрим, что можно сделать, – сказал я, поспешно осмотрел его и, прописав рецепт, приказал немедленно послать в аптеку, а в ожидании лекарства делать горячие припарки. Затем я вышел в соседнюю

комнату, где меня тотчас обступили родственники больного.

– Что с ним, доктор? – спросила миссис Селби.

– Закупорка вены, – отвечал я. – Часть сгустка крови, очевидно, отделилась и закупорила одну из легочных артерий.

– И это опасно?

– Мы, конечно, должны надеяться, но считаю долгом предупредить вас, что мало надежды на то, что майор поправится.

– О, это невозможно! – воскликнул брат больного. – Мой брат находился все время под присмотром такого опытного врача, как сэр Джон Белл, первого врача в Денчестере, и этот врач говорил брату, что он страдает простым ревматизмом.

– Мне остается только пожелать, чтобы сэр Джон Белл оказался прав, а я заблуждался.

Мистер Селби немедленно телеграфировал сэру Джону Беллу о поставленном мною диагнозе. Вскоре пришел ответ. Сэр Джон Белл весьма сожалел, что не было поезда, с которым он мог бы вернуться в Денчестер в эту же ночь, и называл другого врача, к которому рекомендовал обратиться, добавляя, что диагноз доктора Терна ни на чем не основан и что я – молодой, неопытный врач, любящий преувеличивать болезнь.

Между тем бедный майор умирал. Он сохранял полное сознание до последней минуты и, несмотря на все мои усилия, сильно страдал. В числе других распоряжений на случай своей смерти он потребовал, чтобы было сделано вскрытие для определения причины смерти.

Взяв копию с телеграммы доктора Белла, я стал дожидаться приезда другого врача, за которым по моему настоянию немедленно послали.

Когда он прибыл, майора уже не было в живых. Было сделано вскрытие, как того пожелал покойный, в присутствии сэра Джона, меня и еще третьего врача, доктора Джеффриса. Я оказался прав, и если бы сэр Джон вовремя принял меры

предосторожности, его несчастный пациент был бы жив.

Так как покойный майор Селби был личностью весьма популярной, то смерть его наделала много шума в городе, особенно, когда обывателям стали известны обстоятельства смерти.

На следующий же день одна из наиболее распространенных газет напечатала подробный отчет о результатах вскрытия. Этот отчет сопровождала небольшая редакционная статья, в которой автор в самых лестных выражениях отзывался о моих знаниях и выражал надежду, что население Денчестера не замедлит оценить меня по заслугам, а в адрес старого сэра Джона Белла было пущено несколько ядовитых замечаний под видом сравнения представителей врачей старой и новой школ и их приемов.

IV. Стивен Стронг идет в поручители

Велика сила рекламы и печатного слова! Когда я на следующий день вошел в свою приемную, то застал в ней трех пациентов, ожидавших меня. Это было началом моего успеха. Теперь, когда я считаю свою жизнь оконченной, могу сказать смело, что в то время я был действительно выдающимся врачом. Моя способность к постановке диагнозов граничила с вдохновением, с первого же взгляда на больного я угадывал его недуг, угадывал то, до чего даже более опытные врачи с трудом доходили после самого тщательного осмотра и исследования.

С того памятного события моя практика росла с каждым днем; клиенты прибывали отовсюду, так что, делая подсчет своим заработкам в конце второго года моего пребывания в Денчестере, я увидел, что за последние двенадцать месяцев получил свыше девятистот фунтов наличными и должен был дополучить еще около трехсот фунтов. Большую часть последней суммы я считал как бы несуществующей, так как положил себе за правило никогда не отказывать больному в своем содействии потому только, что он не в состоянии заплатить мне. После случая с майором мои отношения с сэром Джоном Беллом стали в высшей степени натянутыми (он некоторое время отказывался встречаться со мной даже на консилиумах), хотя я всегда старался не становиться поперек дороги такому старому и опытному практику. Но все вокруг сознавали, что я как

врач стою выше него, и он ни разу не осмелился отвергнуть или критиковать мою манеру лечения. Я шел в гору, и мы с женой уже могли рассчитывать, что года через три будем не менее богаты, чем сэр Джон Белл.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ранчо - небольшая ферма.

2

Асиенда - обширное поместье, ферма в Латинской Америке.

3

Да, сеньор англичанин, оспа, оспа... (исп.).

4

Клавдий Гален (ок. 130 – ок. 200) – древнеримский врач и естествоиспытатель, после Гиппократов самый крупный теоретик античной медицины.

5

Уильям Гарвей (правильнее Харви) (1578–1657) – английский врач, открывший кровообращение.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haggard_genri-rayder/doktor-tern

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)